

и уточнениях. Так, если исходить из формальных признаков сочетаемости и завершенности конструкции, то нераспространенными будут и те предложения, в которых имеются дополнения или обстоятельство, необходимые для смысловой и для структурной полноты предложения в силу предикативной недостаточности глагола и являющиеся поэтому частями «расширенного сказуемого». Но здесь нужно именно не полное отбрасывание и перечеркивание традиционной грамматики, а ее углубление и дальнейшее развертывание.

Впрочем само понятие традиционной грамматики, так часто фигурирующее у Глинца и у многих других реформаторов грамматики, отнюдь не так едино и просто, как это может показаться на первый взгляд. Прежде всего нельзя согласиться с Глинцем, когда он говорит, что научная грамматика немецкого языка чуждалась тех понятий членов предложения, которые с первой половины XIX в. утверждаются в школьной грамматике. Укажу, например, на Г. Пауля, который, правда, строит в своей «Deutsche Grammatik» изложение синтаксиса по частям речи, но широко учитывает в своем анализе и традиционные члены предложения (например, речь идет об «отношении именного сказуемого к подлежащему»¹, об объектном и предикативном винительном², о понятии предикативного определения и т. д.). Таким образом, грамматические системы, применяющиеся в научной грамматике, отнюдь не сводятся к концепции К. Ф. Беккера, но вместе с тем все же в какой-то мере оказываются причастными к тому, что Глинец называет традиционной грамматикой, так что по сути дела эта грамматика оказывается чем-то изменяющимся и многообразным, и решительное размежевание с ней требует учета значительно более обширного материала, чем тот, который привлекается Глинцем.

Односторонность Глинца приводит его к неизбежным противоречиям. Так, он отрицает предикат как грамматическую категорию, но принужден все же ввести понятие «предикативного именительного» (стр. 84).

Однолинейность грамматической системы Глинца сказывается в том, что, например, такие разновидности предложения, как побудительное и вопросительное, не находят в ней определенного места и вообще почти не затрагиваются в книге. Здесь отсутствует даже перечисление всех тех планов, в которых в своем реальном существовании выступает предложение, оформляясь в ряде противопоставленных друг другу различных типов. То, что у Глинца именуется аспектами предложения (стр. 28), является на самом деле в первую очередь теми средствами, которые используются для оформления предложения (звуковые средства, морфологическая структура слова, законы связи этих структур, общие фор-

мальные структуры, объединяющие формы отдельных слов). С другой стороны, Глинец в своей трактовке грамматических явлений оказывается чрезмерно широким. Грамматические моменты оказываются у него до крайности сближенными со стилистическими. Однако, основываясь на анализе поэтической манеры лишь одного и притом весьма своеобразного поэта — Гельдерлина, Глинец приходит к выводам, быть может и интересным, но в лучшем случае действительным лишь для стиля Гельдерлина. За отсутствием места мы не можем рассмотреть здесь эту сторону книги. Но нам кажется важным в общем виде отметить, что в художественно-стилистических системах, созданных различными направлениями в немецкой литературе, стилистическое использование почти всех языковых элементов может быть крайне многообразным.

Все наши критические замечания, однако, не означают, что книга Г. Глинца вообще не представляет никакой ценности. Но она никоим образом не является тем «новым путем» в синтаксической теории, который склонен в ней видеть сам автор. Более того, построения Глинца, при всей их подчеркнутой систематичности, во многом обводят реальные факты немецкого языкового строя, а порой и вступают с ними в прямое противоречие.

В. Г. Адмони

K. H. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. — Halle (Saale), 1956. 80 стр.

Рецензируемая книга является попыткой синтетического описания вопросов, связанных с языковым смещением и теорией субстрата. Она возникла, как свидетельствует примечание автора, из введения к его диссертации «Немецкие заимствования в английском языке Америки» (Университет им. Карла Маркса в Лейпциге). Таким образом, теоретические положения книги вытекают не только из тщательного изучения и обобщения предшествующей литературы по вопросу, но и из исследовательской практики автора, что само по себе чрезвычайно ценно. Появление такого рода обобщающей работы следует признать своевременным, тем более что автор, придавая немалое значение явлениям языкового смещения, далек от односторонних увлечений поборников скрещивания как первопричины возникновения языков (от Г. Шухардта до Н. Я. Марра).

Книга подразделяется на три раздела: 1) разграничение и определение понятий; 2) краткий исторический обзор предшествующей литературы по проблеме смещения и смены языков; 3) критика существующих теорий в связи с вопросами методики.

В первом разделе Шенфельдер считает необходимым разграничить и определить главным образом термины «языковое смещение» (Sprachmischung), «смешанный язык» (Mischsprache) и «заимствование» (Entlehnung). Основная трудность в опре-

¹ H. Paul, Deutsche Grammatik, Bd. III, Halle (Saale), 1954, стр. 43.

² Там же, стр. 225 и сл.

деления понятия языкового смешения заключается, по мнению автора, в том, что среди языковедов нет единства в вопросе соотношения языкового смешения и заимствования. «В то время, как, с одной стороны, многие языковеды отделяют заимствование от языкового смешения, есть, с другой стороны, немало исследователей, которые не признают такого рода отделения» (стр. 8). Шенфельдер допускает употребление термина «языковое смешение», «когда одностороннее или обоюдное влияние двух языков распространяется не только на лексику (Wortschatz), но и на фонетику (Lautsystem), морфологическую систему и синтаксис одного или другого языка» (стр. 9). Если же влияние касается только лексики, то он предпочитает говорить о заимствовании.

Шенфельдер отстаивает термин «смешанный язык», определяя его как «язык, в котором не только неустойчивый, легко изменяемый слой лексики, но и основной словарный фонд содержит элементы другого языка» (стр. 11—12). К числу такого рода элементов автор относит первичные глаголы, предлоги, словообразующие форманты и т. д.

Во втором разделе Шенфельдер намечает несколько периодов в области изучения проблемы языкового смешения. Лексикографы XVIII в. большинство языков рассматривали как смешанные. С возникновением сравнительного языковедения исследователи вовсе отказались от термина «смешанный язык». Далее Шухардт объявил, что не существует ни одного несмешанного языка. С конца XIX в. наступает длительное увлечение теорией субстрата, ибо многое оставалось в пределах классического сравнительного языковедения необъясненным. Автор критикует Г. Хирта, предполагающего, что в результате языкового смешения может возникнуть совершенно новый язык. Подробно проанализировав ряд работ, посвященных проблеме языкового смешения и теории субстрата, Шенфельдер в заключениях рассматривает лингвистическую концепцию Марра. «Пожалуй, — пишет он, — нет второго такого языковеда, который бы так основательно занимался проблемой языкового смешения, смешанных языков и смешанных языков, как Марр; и, можно сказать, что только немногие языковеды настолько не поняли сущности этой проблемы» (стр. 37). В критике концепции Марра автор в основном опирается на работы советских языковедов. Он также справедливо указывает, что нельзя делать вывод, будто проблемой языкового смешения не следует заниматься вовсе.

Третий раздел книги представляет для нас наибольший интерес, так как здесь делается попытка обоснования методики исследования автора. Шенфельдер настаивает, и с нашей точки зрения совершенно справедливо, на том, что преувеличение роли культурного фактора при рассмотрении вопроса об языковых контактах приводит к ошибочным выводам. «В противоположность заимствованию отдельных слов, связанных с развитием культуры

(Kulturlehnwörter), языковое смешение всегда предполагает двуязычие» (стр. 43). При этом не существенно, достигается ли полное двуязычие. Шенфельдер видит следующие предпосылки возникновения двуязычия: искусственные условия при изучении иностранного языка, контакты в пограничных в языковом отношении областях (например, Швейцария, Бельгия и т. п.), условия насильственного подчинения.

Изучив немецкий субстрат в английском языке Пенсильвании, т. е. процесс языкового смешения с известными ингредиентами, имевший место в недавнем прошлом, автор с понятным скептицизмом относится к древним «доибрийскому, доатрусскому и докельтскому субстратам». При этом он полагает, что в подобного рода исследованиях необходимо всегда соблюдать ретроспективный метод (от современных процессов к древним и древнейшим).

Рассмотрение книги Шенфельдера приводит нас к следующим выводам.

1. Автор справедливо исключает из области заимствований проникающие в другой язык в результате языкового смешения (мы объединяем термины автора «языковое смешение» и «смешанный язык») первичные глаголы, предлоги, словообразующие форманты и т. д.

2. Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что слова заимствуются вместе с вещами и понятиями и, следовательно, заимствование как процесс мыслится в непосредственной связи с культурным влиянием, чего нельзя сказать о языковом смешении, возникающем на базе полного, либо частичного двуязычия.

3. Автор, проявляя вполне оправданный скептицизм по отношению к разному рода теориям субстрата, предлагает начинать изучение проблемы от «известного», т. е. от процессов, нашедших ясное отражение в памятниках письменности и живой речи. Однако он не показывает, как же перейти от этого «известного» к «неизвестному».

В заключение следует указать на полезность книги Шенфельдера, вводящего читателя в одну из актуальных проблем современной лингвистики. В конце книги приведена обширная библиография (126 названий).

В. В. Мартынов

L. Bloomfield. Eastern Ojibwa; Grammatical sketch, texts and word list. — Ann Arbor, 1956. 271 стр. (The University of Michigan press).

Опубликованное через семь лет после смерти Л. Блумфилда его исследование оджибва, являющегося одним из диалектов центрально-алгонкинского языка, представляет несомненный общезыковедческий интерес. Именно с этой стороны оно и будет рассмотрено в настоящей рецензии. Принципы и методы лингвистического исследования и описания, провозглашенные Л. Блумфилдом в его теоретических рабо-